

Глава 1

Перформанс

1.1. ИГРА

Питер Брук (род. в 1925) заканчивает свою известную книгу *«Пустое пространство»* загадочными словами: «Игра есть игра». И «игра» – это отличное место для начала (а также завершения) любых размышлений о перформансе, ведь игра – это то, с чем все мы сталкивались, и она обнаруживает удивительное сходство с драмой и театром.

Возможно, в первую очередь стоит сказать, что игра – это противоположность работы. Тогда как работа привязана к определенному месту и времени, а идентичность работника неизменна (например, он – водопроводчик, библиотекарь, политик), игра может происходить в любое время и в любом месте, и позволяет играющему быть кем угодно: пожарным, футболистом, нищим или королевой. Их идентичность может изменяться. Более того, на работе есть орудия труда: компьютер, отвертка, записная книжка и карандаш; в то время как играть можно с чем угодно: грязью, крышкой от кастрюли, маминой обувью. Может возникнуть вопрос: действительно ли необходимы игрушки?

Есть три «типа» игр: активные (бег, кувырки), игры с чем-то (грязью, крышкой от кастрюли и т.д.) и игры с кем-то (догонялки, игра в школу или больницу и т.д.). Все вышеперечисленное чем-то сродни перформансу, так как предполагает некую степень притворства, «волшебное «если», которое позволяет игроку попасть в мир фантазий. И хотя здесь это – только притворство, оно настолько захватывающее, что вызывает самые настоящие эмоции. Можно заметить, как дети, играющие на детской площадке, в игре «по-настоящему» смеются, плачут или выходят из себя.

Игра открывает дополнительные возможности и позволяет нам исследовать сложные ситуации без каких-либо «реальных» последствий. Это, наверное, в какой-то мере тренировка воображения. Когда в игре мы должны спра-

виться с полицейскими и ворами, мамами и папами, мы учимся жизни и тому, как в ней выжить. Во время игры мы переживаем глубокие эмоции и сталкиваемся с реальностью взаимоотношений, но где-то в нашем подсознании мы знаем, что нам ничего не угрожает. В любой момент мы можем сбежать – остановить игру – если захотим.

Мы играем не для того, что «чтобы что-то сделать» – например, повысить продуктивность, произвести впечатление на главу банка, задобрить родителя. Мы делаем это «ради развлечения». И в этом кроется проблема игры, ведь многие представители власти считают ее чем-то несерьезным, тратой времени и энергии и даже чем-то безнравственным. В старом выражении говорится: «Дьявол находит работу для праздных рук». Платон (427–347 до н.э.) хотел отделить игру (и театр) от своей идеальной Республики. Пуритане в XVII веке отменили празднование Рождества и закрыли театры. Но во все времена люди всех возрастов хотели играть, поэтому власти были вынуждены запретить некоторые события, во время которых игры были «разрешены» (например, официальные праздники, фестивали, карнавал) и места, где это могло происходить (ярмарочные площади, футбольные поля, детские сады). Тех, кто продолжал играть «не в том» месте и «не в то» время, часто объявляли вне закона; например, актеров веками осуждали как «негодяев и бродяг». Они играли; притворялись; исполняли роль.

1.2. ПЕРФОРМАНС, ПЕРФОРМАТИВ, ПЕРФОРМАТИВНОСТЬ

Даже из того немного, что было сказано выше, понятно, что любое определение «перформанса» не может ограничить его театром или подобными местами, где разрешены развлечения. Дети, играющие в мам и пап; лекторы на кафедрах; хип-хоп танцовщики в ночных клубах; священники или регистраторы брака, проводящие церемонию бракосочетания – все они «выступают» перед публикой.

Возможно, мы могли бы пойти дальше и называть «перформансом» любое поведение/деятельность/действие, которое каким-то образом выделено или обозначено рам-

ками. Такие *рамки* помогают воспринимать это действие как нечто целое, и позволяют размышлять о конкретных вопросах: где это происходит, кто присутствует, как разворачивается перформанс и, возможно, каков замысел – если таковой имеется. Если мы рассмотрим отрезки жизни как небольшие перформансы, мы можем расширить это понятие и включить в него практически любые социальные взаимодействия (например, когда вы заказываете еду в ресторане, идете с другом к вам в комнату, спешите на автобус) и даже «сольные» действия (например, поедание мороженого или пользование Интернетом).

Если рассматривать элементы поведения как перформансы, то их можно весьма занимательно проанализировать. Вскоре становится ясно, что в разных ситуациях мы все «играем» разные роли. Так, когда мы идем на собеседование, то играем роль претендента на работу – вежливого, любознательного и готового учиться человека; но в ночном клубе мы играем роль «крутого парня» – спокойного, все знающего и расслабленного. Мы даже наряжаемся для этих ролей, но костюмы для каждой из них разные, как и они сами. Можно развивать эту тему и рассмотреть разнообразные роли, которые мы исполняем: для наших родителей мы играем роль детей, даже если мы давно повзрослели; для руководителя банка – изображаем невинность; для наших любимых мы демонстрируем веселость, нежность или соблазнительность. И в самом деле, «разыгрывая», «исполняя» столько идентичностей, мы можем задать вопрос: а есть ли настоящее «Я»?

Мы еще вернемся к загадке идентичности. Во-первых, следует отметить, что проблема «перформанса» усложняется еще и тем, что «исполнять»^{*} означает не только делать, действовать, достигать или производить («Завод хорошо работал»), но и притворяться. «Ну и представление!», – говорим мы, когда видим футболиста, корчащегося на земле якобы от боли. «Это не по-настоящему, это всего лишь представление». Где та грань, что отделяет реальность и перформанс? Или же, как мы можем заподозрить, между ними нет реальной разницы?

^{*} англ. to perform. (прим. перев.)

Чтобы обсуждать эту проблему, необходимо, во-первых, проанализировать, как мы понимаем происходящее, то есть, как мы конструируем значение. «Конструировать», здесь, пожалуй, ключевое слово. Ничего не имеет значения, пока мы его им не наделяем. Мы видим что-то, но у него нет присущего ему значения, пока мы его не создадим. Мы конструируем значение.

Французский лингвист Фердинанд де Соссюр (1857–1913) первым описал, как создается значение. Он изучал, как в языках для передачи идей используются звуки и знаки письма. Согласно Соссюру, язык состоит из двух частей: первая – означающее (звук, знак, слово), вторая – означаемое (идея, образ, значение). Эти две отдельные части содержат в себе символ, и также тесно связаны, как и стороны листа бумаги. Однако также понятно, что отношения между звуком (или знаком) и идеей – произвольные, то есть, несмотря на то, что они неделимы, непонятно, почему одно относится к другому. Если означаемое – плавающее в воде скользкое серебристое существо с плавниками, то мы склоняемся к тому, чтобы назвать его рыбой; но нет никаких причин, почему бы не назвать его *poisson*, как делают французы, или *Fisch*, как говорят немцы. Следовательно, понятно, что люди, которые соглашались с тем, чтобы называть скользкое блестящее существо каким-то одним определенным словом, образовывали нечто вроде сообщества, объединенного языком. Слово в языке само по себе является совершенно случайным.

В таком случае, язык – это нечто вроде социального контракта между членами определенного сообщества. Но это не нечто нейтральное, существующее просто в форме звуков (или знаков). Это жизненно важный инструмент в нашей социальной жизни. Это, по сути, те основные средства, с помощью которых мы конструируем нашу реальность. И поскольку это социальный контракт, то понятно, что это возможно, только если существует сообщество, то есть не только говорящий (или писатель), но и слушатель (или читатель).

Как слушатель (или читатель) может конструировать значение? Используя уже имеющийся опыт манипулирования языком. Слова и выражения говорящего (или пи-